

АНАСТАСИЯ ВЕЖИНА

Он уходит
на рыбалку.

Она находит
правду.

РОМАН
О ЖЕНСКОЙ
ИНТУИЦИИ,
КОТОРУЮ НЕ ОБМАНУТЬ
ЦИФРАМИ

Рыбалка на ЛЮБОВНИЦУ

СЕРЕБРЯНСК
АЗС №42

18+

Анастасия Вежина

Рыбалка на любовницу

<https://litres.ru/73949246>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шесть лет мой муж привозил домой рыбу из супермаркета, выдавая её за свой улов, чтобы скрыть любовницу и внебрачного сына.

Он думал, что я слепая, удобная и никуда не денусь. Но он забыл одну деталь: я — главный бухгалтер. И я умею считать.

Я поймала его на лжи, вычислила каждую копейку, украденную из семьи, и наняла лучшего адвоката в городе. Сергей Белов не обещает чудес, он просто методично уничтожает моего бывшего в суде. Между нами лишь строгий договор и деловые встречи. Но один его взгляд, один раскрытый надо мной зонт в дождливый день заставляют мое сердце биться быстрее.

Развод — это конец? Нет, это начало моей новой жизни. Без вранья.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	45
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Анастасия Вежина

Рыбалка на любовницу

Глава 1

У каждого главного бухгалтера есть свой пятничный ритуал. У кого-то — вино и сериал. У кого-то — баня. У меня — сведение семейного бюджета.

Двадцать пять лет. Каждую пятницу. Тысяча триста пятниц, если не считать отпуска и один Новый год, когда у меня была температура тридцать девять и я всё равно свела, просто лёжа, с ноутбуком на животе. Володя тогда сказал: «Ленка, ты ненормальная». Может быть. Зато у меня сходится.

Я открыла файл. «Бюджет_семья» — двенадцать вкладок по месяцам, сводная, и отдельная страница для непредвиденных расходов, которую я в шутку назвала «Чёрный лебедь». За все годы в «Чёрном лебеде» побывали: замена стиральной машины, два перелома у мужа (левая рука, потом правая, с разницей в четыре года — Володя падал с одной и той же стремянки, но каждый раз обещал, что больше не полезет), и зубная коронка, которая вылетела прямо в тарелку борща на юбилее свекрови. Упокой Господь её душу и её борщ.

Стопка чеков лежала слева от ноутбука, придавленная со-

лонкой в форме совы. Сова смотрела на меня с выражением лёгкого бухгалтерского осуждения, и я была с ней согласна: коммуналка в этом месяце подросла. Не критично — в рамках допустимой сезонной погрешности, — но я всё равно выделила ячейку жёлтым. Жёлтый у меня означает «обратить внимание». Красный — «тревога». Красных ячеек в моём бюджете не было ни разу.

Я этим гордилась. Тихо, про себя, как гордятся хорошо отлаженным механизмом: не потому что он блестит, а потому что не ломается.

Из прихожей раздался грохот. Потом — сдавленное «ёлки-палки», потом — звон чего-то металлического о плитку пола. Это означало, что Володя начал собираться.

Сборы мужа на рыбалку — событие, по энергозатратам сопоставимое с подготовкой к высадке на необитаемый остров. Хотя он ехал всего на выходные. Каждые две-три недели, стабильно, как квартплата.

Я встала, подошла к дверному проёму.

Володя стоял в прихожей, окружённый снаряжением. Два чехла с удилищами (он их называл «японский карбон», произнося это с таким благоговением, с каким нормальные люди произносят «рождение первенца»). Коробка с блёснами. Рюкзак. Сапоги. Раскладной стул. И ещё какой-то тубус, назначение которого я выяснять не хотела.

От него пахло бензином — видимо, уже загрузил часть в машину и вернулся за остальным.

— Лен, — сказал он, не поднимая головы, — а термос где?

— Там же, где и в прошлый раз. Верхняя полка, за мультivarкой.

— Точно за мультivarкой?

— Володя, термос стоит за мультivarкой с две тысячи девятнадцатого года. Он не мигрировал.

Он хмыкнул, ушёл на кухню, загремел посудой. Вернулся с термосом.

Я смотрела, как он запихивает вещи в огромную спортивную сумку, и думала о том, что за столько лет совместной жизни человека изучаешь так же досконально, как план счетов бухгалтерского учёта. Вот эта привычка — засовывать носки в сапоги. Вот эта — проверять замок машины три раза подряд. Вот эта пауза, когда он завязывает шнурки и на секунду задерживает дыхание, потому что живот мешает. Я могла бы составить полную инвентарную опись Володи Грачёва, и она была бы точна до последней графы.

Так мне тогда казалось.

— Готово! — Он выпрямился, хлопнул себя по карманам. Ключи. Телефон. Бумажник. — Пойду бюджет сдавать, да?

Он всегда так говорил — «сдавать», будто я налоговая инспекция. Я когда-то обижалась. Потом решила, что это даже комплимент.

Мы сели на кухне. Я развернула к нему экран.

— Коммуналка — плюс восемь процентов к прошлому месяцу, но это сезонное. Аптека — антигистаминные, мне, и

твой ибупрофен. Продукты — стандарт. Бензин общий. Вот здесь — химчистка, твоё пальто, помнишь.

Володя кивал, прихлёбывая чай. Он не смотрел на цифры. За все эти годы я поняла, что он не смотрит на цифры не потому, что доверяет мне, — хотя доверял, — а потому что цифры ему неинтересны. Ему интересен результат: есть деньги или нет. Дебет и кредит для Володи — это как сопромат для гуманитария: он знает, что мосты на чём-то держатся, но предпочитает просто по ним ходить.

— Хозяюшка, — сказал он и подмигнул. — Что бы я без тебя делал.

Я промолчала. В двадцать четыре года я бы улыбнулась.

Графа «Личные В.» была пустой. Как всегда. У нас был договор: общий бюджет — общий контроль, личные карманные — личное дело каждого. Мои «личные» уходили предсказуемо: книги, подписка на бухгалтерский портал, крем для рук и раз в сезон — что-нибудь из одежды. Ничего криминального. Куда уходили его — я не спрашивала. Блёсны, наверное. Может, пиво с Петровичем из гаража. Договор есть договор.

Я закрыла вкладку с бюджетом. Потянулась за чеками, чтобы сложить их в папку.

И мой взгляд скользнул влево, по коридору, к закрытой двери.

Бывшая детская.

Сейчас там стояли гладильная доска, стеллаж с папками и

старое офисное кресло, которое Володя притащил с работы лет семь назад. Комната-склад. Комната-заглушка.

Мы не говорили об этом. Не говорили давно — лет десять, наверное. Было время, когда говорили. Было время, когда ездили к врачам, сдавали анализы, надеялись. Потом перестали надеяться. Потом перестали ездить. Потом перестали говорить. Дверь закрылась. Графа осталась пустой. Не «Чёрный лебедь» — у того хоть какие-то цифры бывают. Просто — пробел. Незаполненная строка в отчёте моей жизни, которую ни один аудитор не запросит и ни одна проверка не найдёт.

Я отвернулась.

— Ну, — Володя поднялся, — жди трофей. Окунь будет — во!

Он развёл руки. По его версии, окуни в наших реках водились размером с хорошую собаку.

— В прошлый раз твой трофей был размером с мой тапок, — сказала я. — Причём с левый.

— Это потому что место было неудачное! В этот раз Серёга с работы подсказал заводь, там они прям кишат.

— Кишат, — повторила я.

— Кишат! — подтвердил он с таким убеждением, что я почти позавидовала его способности верить в собственные слова.

Я машинально открыла файл обратно и внесла в графу «Транспорт» его ориентировочный расход на бензин. Туда и

обратно, по среднему пробегу.

Он поцеловал меня в макушку. Привычно, не глядя, на автомате.

— Вернусь в воскресенье к обеду. Телефон может ловить плохо, там у озера связь так себе.

— Я знаю, Володь. Ты каждый раз это говоришь.

— Ну, чтоб не волновалась.

Я кивнула. Я не волновалась. Не потому что мне было всё равно, а потому что «плохая связь у озера» давно стала такой же привычной частью пятницы, как мой Эксель и чай с лимоном.

Дверь закрылась. Замок щёлкнул.

Я постояла в прихожей. Тихо. Очень тихо. Квартира без Володи всегда становилась тише, чем должна быть двухкомнатная квартира. Как будто вместе с ним уходил весь бытовой шум, и оставался только холодильник и часы на стене.

Два спиннинга в одинаковых серых чехлах стояли в углу прихожей, прислонённые к стене. Он взял один комплект, второй оставил.

«Ну и ладно, — подумала я. — Видимо, хватит одного».

Я вернулась на кухню, закрыла ноутбук. Убрала чеки в папку. Протёрла стол. Вымыла его кружку и свою. Повесила полотенце ровно.

Потом достала из аптечки блистер с антигистаминным — пыльца в этом году началась рано, и нос уже второй день закладывало к вечеру. Выдавила таблетку, запила водой.

Выключила свет на кухне. Прошла мимо закрытой двери бывшей детской. Легла в кровать. Простыни пахли стиральным порошком и немного — тем самым бензином, который Володя принёс на куртке.

Квартира была чистая. Бюджет сведён. Всё на месте.

Всё сходилось. Копейка в копейку.

Я закрыла глаза.

Глава 2

Суббота без мужа — это когда холодильник становится личным врагом.

Я проснулась в восемь. По привычке, хотя будильник не ставила. Организм уже не спрашивает твоего мнения — он просто работает по графику, как хорошо настроенная бухгалтерская программа.

Кровать была слишком широкой. Это глупо: она была такой же, как вчера, и позавчера, и все предыдущие рыбалки Володи. Но в субботу утром, когда свет падает иначе и подушка рядом не примята, — широкой. Я перевернулась на его половину, лежала секунд тридцать и встала. Нечего разводить сантименты.

Тишина в квартире была почти осязаемой. Ни шарканья его тапок, ни кашля из ванной, ни бормотания радио — Володя любил включать новости, пока брился. Только холодильник гудел на кухне, и где-то за стеной у соседей работала дрель. Ремонт по субботам — это, конечно, бессовестность, но хотя бы живой звук.

Я открыла холодильник.

Там лежало: полпачки масла, три яйца, остатки вчерашнего супа, сыр в нарезке и пакет пельменей в морозилке. Полноценный завтрак требовал усилий — омлет, салат, что-то осмысленное. Готовить осмысленное на одного человека —

нерентабельно. Временные затраты не окупаются результатом.

Пельмени — это быстрая амортизация голода. Десять минут, и вопрос закрыт.

Я поставила воду, достала пакет. На нём была надпись «Домашние, как у бабушки» и картинка румяной старушки с половником. Бабушка врала: никакая бабушка в здравом уме не лепила бы пельмени такой идеальной машинной формы. Но врала она убедительно, красиво и с улыбкой — как хорошая реклама.

Пока вода закипала, я вымыла посуду. Протёрла плиту. Поправила полотенце на крючке. Ровно, параллельно краю.

Потом съела пельмени, глядя в окно. Двор был пустой — суббота, все спят. Только женщина с таксой прошла к мусорным бакам и обратно.

Нужно было съездить в гипермаркет. Молоко заканчивалось, порошок для машинки тоже, и мама просила привезти ей что-то «для давления» — название она переврала дважды, и я записала оба варианта, чтобы разобраться на месте.

Спустилась к машине. Наша «Тойота» стояла на обычном месте — Володя вчера уехал на своей, служебной, которую ему выдали на заводе. Он говорил, что так экономнее: бензин на рыбалку списывается как командировочные. Я не вникала. Он — инженер, у него свои методы.

Села за руль, открыла бардачок — искала солнечные очки — и моя рука замерла на полпути.

Бардачок Володи выглядел так, будто в нём произошла локальная катастрофа. Салфетки, скомканные и чистые вперемешку. Зажигалка, хотя он не курит уже лет семь. Какая-то инструкция к чему-то. Квитанция за техосмотр позапрошлого года. И чеки. Много чеков. Смятые, рваные, засунутые в угол, как будто их прятали от проверки.

Моя натура бухгалтера содрогнулась.

Это была не ревность. Не подозрение. Это была профессиональная деформация в чистом виде: я не могла физически оставить первичную документацию в таком состоянии. Мой мозг отказывался признавать, что чеки могут просто лежать кучей, без сортировки, без даты, без папки.

Я достала их все. Разгладила. Сложила стопкой.

Очки нашлись под инструкцией. Но я уже не думала об очках.

Часть чеков были бытовые — забегаловка у завода, хозяйственный магазин, что-то из автозапчастей. Я откладывала их в одну стопку. Чеки с АЗС — в другую. Топливо — это статья расходов, которую я веду отдельно.

Машинально. Не для слежки. Для порядка.

АЗС «Лукойл», наш город, пятница вечер. Логично: он заправился перед выездом.

АЗС «Роснефть», трасса, пятница поздно. Тоже логично: дорога до озера неблизкая.

АЗС...

Я остановилась.

Город Серебрянск. Суббота. Центральная улица, дом 4.

Это был не трассовый чек. Это был городской заправочный пункт. В центре города. В городе, который находился в трёх часах езды от нашего дома — и совершенно в другой стороне от любых озёр.

Ладно. Может, заблудился. Может, решил посмотреть достопримечательности. Я за Володей знала странные крюки.

Я перебрала остальные чеки.

Серебрянск. Суббота, две недели назад.

Серебрянск. Суббота, три недели назад.

Три субботы подряд. Одна и та же станция. Одна и та же улица. Это уже не крюк — это маршрут.

Телефон зазвонил, и я вздрогнула.

Мама.

— Алло, Леночка. Ты как?

— Нормально, мам. Сажу в машине, собираюсь в магазин.

— А Володя?

— На рыбалке.

— Ну, хорошо, — голос у неё потеплел. — Золотой мужик у тебя. Не пьёт, при деле, хобби нормальное. Не то что Зинкин — тот с пятницы до понедельника в гараже квасит с мужиками. А твой — на природе, свежий воздух, рыбку привезёт.

Я хотела сказать: «Мам, рыбка у него размером с тапок». Но не сказала.

— Да, мам.

— Ты только цени это. Баба должна быть мудрой. Мужик, который не пьёт и деньги в дом несёт — это подарок. Не гоняй его, не пили. Пусть отдыхает.

— Я не пилю.

— Ну и хорошо. Ты мне капли привезёшь? Я название тебе говорила.

— Ты мне два названия говорила.

— Ну, какое-то из них. Разберёшься, ты же умная у меня. Мы попрощались. Я положила телефон на сиденье.

«Золотой мужик». «Не пьёт». «При деле».

Мама хвалила фасад, который я годами содержала в чистоте. Идеальный бюджет, идеальный порядок, идеальная жена. Она не видела, что за этим фасадом — пустая комната с гладильной доской и три чека из Серебрянска.

Впрочем, я тоже не видела. До сегодняшнего дня.

Вечером, после магазина и уборки, я сидела на кухне с чаем. Сериал бормотал фоном — что-то детективное, где жена нашла любовницу мужа по кредитной выписке. Банальный сюжет, подумала я. В жизни так не бывает.

Папка с чеками лежала на столе. Я перебирала их машинально, как другие перебирают чётки или вяжут. Пальцы сами сортировали: по дате, по сумме, по локации.

Серебрянск. Серебрянск. Серебрянск.

Три субботы. Один адрес. Устойчивый паттерн.

Я знала это как бухгалтер. И как бухгалтер я понимала: когда в отчёте появляется необъяснимая статья расходов —

её нужно проверить. Не потому что ты параноик. А потому что непроверенные данные превращаются в ошибку, а ошибка — в убытки.

Закрыла папку. Выключила сериал.

Не измена — я запретила себе это слово. Рано. Нет доказательств, одни косвенные данные. Может, он просто... Что? Что можно делать три субботы подряд в Серебрянске, когда официально ты ловишь рыбу в другой стороне?

Я не знала.

Но паттерн был. И он уже горел в моём мозгу жёлтой ячейкой: «Обратить внимание».

Легла спать в половине одиннадцатого. Завтра Володя вернётся. Привезёт рыбу, будет рассказывать байки про «во-о-от такого окуня». Я буду кивать, жарить картошку, слушать.

И думать о Серебрянске.

Глава 3

Он вернулся в шестом часу вечера, когда я уже успела вымыть полы, переглядеть бельё и дочитать статью про изменения в налоговом кодексе.

Дверь хлопнула, в прихожей загрохотало, и раздалось победное:

— Леночка, я дома!

Так кричат полководцы, возвращаясь с поля битвы. Или мальчишки, забившие гол на школьном дворе. Володя кричал так каждый раз, и каждый раз я думала: ему сорок девять, а интонации — как у первоклассника с грамотой за поделку из шишек.

Я вышла в прихожую.

Он стоял в расстёгнутой куртке, покрасневшийся, с пакетом в одной руке и термосом в другой. Сапоги были грязные — демонстративно грязные, с комьями чего-то рыжего на подошвах. Глина, наверное. Или он специально прошёлся по обочине перед подъездом. Я бы не удивилась ни одному варианту.

— Разувайся на коврик, — сказала я. — Я только что полы помыла.

— Сейчас-сейчас. Смотри, что привёз!

Он поднял пакет. Пакет был мокрый, и из него торчал хвост.

— Окунь! Два с половиной кило, может, три! Два часа вываживал, леску чуть не оборвал. Он, Лен, ты бы видела — он как рванёт от берега, удилище дугой, я думал — всё, сейчас японский карбон пополам!

— Но не пополам.

— Не пополам! Выдержал! Я его подсёк, подвёл к берегу, а он опять — р-р-раз — и на глубину! Минут сорок так. Руки до сих пор гудят.

Он пошевелил пальцами, демонстрируя гудящие руки. Руки были чистые. Ногти аккуратные. Ни одной царапины, ни следа лески на указательном пальце. Я раньше не замечала. Или замечала, но не придавала значения.

— Молодец, — сказала я. — Давай сюда, уберу в холодильник.

Окунь был тяжёлый, холодный и пах рыбой. Нормальный окунь. Я положила его на тарелку, убрала на нижнюю полку. Пожарю завтра, или сделаю уху — посмотрим по настроению.

Пока Володя стаскивал сапоги, я привычно протянула руку к его куртке. Столько лет одно и то же: он приходит — я убираю куртку. Не из подчинения. Из порядка. Куртка на вешалке — значит, приходящая чистая. Куртка на стуле — значит, хаос. Я не люблю хаос.

Я сняла куртку с его плеч и наклонилась повесить на крючок.

И остановилась.

Рыбой от куртки пахло. Это да. Тот привычный, резковатый, озёрный запах, который я стирала из его вещей каждое второе воскресенье. Но под ним — под ним было другое.

Сладкое. Цветочное. Тёплое.

Духи.

Не мои. Я не пользуюсь парфюмом — сезонная аллергия на пыльцу сделала для меня любые цветочные ароматы пыткой. Он знал это. Знал с того самого свадебного банкета, когда кто-то из гостей подарил мне букет лилий и я чихала всю первую брачную ночь.

Этот запах был не лилии. Что-то другое — роза, может быть, или жасмин. Что-то густое и женское. И оно было на воротнике его куртки. На том месте, куда утыкаешься носом, когда обнимаешь человека.

Мой нос — мой проклятый аллергический нос, который чувствует пыльцу берёзы за три квартала и различает марки стирального порошка по запаху мокрого белья, — уловил это мгновенно. И не отпустил.

— Лен, ты чего застыла?

— Вешалка, — сказала я. — Крючок расшатался. Надо подкрутить.

Голос был нормальный. Ровный. Я сама удивилась, какой он был нормальный.

Повесила куртку. Расправила рукава. Вернулась на кухню.

Володя прошлёпал в ванную. Зашумела вода. Он всегда первым делом лез в душ после рыбалки — и раньше я вос-

принимала это как естественную гигиену мужчины, прошедшего два дня на природе.

Раньше.

Я стояла на кухне и слушала, как шумит вода за стеной. Мои руки лежали на столешнице, ровно, ладонями вниз. Пальцы не дрожали.

Духи. На воротнике. После рыбалки.

Мозг выдал три версии. Быстро, как калькулятор:

Версия первая: случайный контакт. Толкнул женщину на заправке, прислонился в очереди. Возможно. Маловероятно — запах был на воротнике, а не на рукаве.

Версия вторая: подруга кого-то из рыболовов. Приехала к компании, обнялись при встрече. Возможно. Но Володя всегда говорил, что ездит один. «Я и природа, Лен. Мужика нужно побыть одному».

Версия третья.

Версию третью я не стала формулировать. Рано. Недостаточно данных. Один запах — это не улика, это индикатор. Жёлтая ячейка, не красная.

Но рядом с этой ячейкой в моей голове уже мерцали три чека из Серебрянска. Три субботы. Одна заправка. И теперь — чужие духи.

Это была уже тенденция.

Вода в ванной выключилась. Володя вышел в халате, мокрый, довольный. Сел за стол. Я поставила перед ним ужин — разогретый суп и хлеб. Молча.

— Лен, ты чего такая тихая?

— Устала. Полы мыла, гладила. Обычный выходной.

— А, ну да. Я-то на воздухе, а ты тут... Слушай, я тебе в следующий раз тоже окуня поймаю, побольше. Будешь довольная.

— Буду, — сказала я.

Он ел суп и рассказывал про окуня. Подробности множились, как проценты по вкладу: теперь вываживание длилось уже не два часа, а почти три, и леска была не просто натянута, а «звенела, как гитарная струна». Я кивала. Улыбалась. Подливала чай.

Внутри меня бухгалтер молчал и ждал.

Володя ушёл смотреть телевизор. Я собрала его вещи для стирки.

Это было автоматическое действие. Столько лет оно вошло в тело, как дыхание: взять куртку, проверить карманы, вытряхнуть крошки, рассортировать по цвету и температуре. Руки сами знали, куда лезть.

Левый карман куртки: салфетка, смятая. Правый карман: ничего. Внутренний карман на молнии...

Пальцы нащупали знакомую форму. Тонкий прямоугольный блистер. Фольга, пластик, маленькие выпуклые ячейки. Я достала.

Мой антигистаминный. «Цетиризин», десять миллиграммов, блистер на десять таблеток. Я узнала бы эту упаковку в темноте, на ощупь, во сне — принимала его каждый вечер с

апреля по июль уже лет пятнадцать. Точно такой же блистер лежал у меня в аптечке на полке в ванной.

Зачем Володе мой антигистаминный?

Я перевернула блистер.

Семь ячеек были пустые — таблетки выдавлены. Три оставались целыми. И в одной из пустых ячеек, в той, что ближе к краю, между фольгой и пластиком было что-то вложено.

Я подцепила фольгу ногтем. Она легко отогнулась — кто-то аккуратно вскрыл её и заложил обратно.

Внутри лежал презерватив. В индивидуальной упаковке, плоский, квадратный. Марку я разобрала сразу: чёрные буквы на серебристом фоне.

Латекс.

У меня контактная аллергия на латекс. Тяжёлая. Диагностированная. Подтверждённая дерматологом, аллергологом и всей нашей совместной жизнью. Мы перестали использовать презервативы в девяносто девятом году, через три месяца после свадьбы, когда я попала в приёмный покой с отёком и сыпью, и врач сказал Володе: «Только безлатексные, или никакие». Мы выбрали «никакие». И больше к этому не возвращались.

Я стояла в ванной комнате с чужим презервативом в руке, и мой мозг работал с той пугающей ясностью, которая наступает, когда все эмоции разом отключаются, как свет при коротком замыкании.

Факт первый: ему не нужен презерватив для меня.

Факт второй: он спрятал его в блистер от моего лекарства. Моего. От аллергии. На латекс.

Это было не просто предательство. Это была насмешка такого уровня абсурда, что мой внутренний аудитор на секунду завис, как таблица Эксель, в которую ввели деление на ноль.

Он даже не помнил. Двадцать пять лет рядом — и он не помнил, на что у меня аллергия. Или помнил, но ему было всё равно. Я не знала, какой вариант хуже.

За дверью работал телевизор. Комментатор что-то кричал — видимо, гол. Или промах. Какая, впрочем, разница.

Я села на край ванны. Холодный бортик обжёг бёдра. Кафель на стене был белый, чистый — я мыла его в пятницу. Затирка между плитками ровная. Зеркало без разводов. Полотенца параллельно.

Всё было в порядке.

Презерватив лежал у меня на ладони, в своей серебристой упаковке, лёгкий, как конфетный фантик. Улика. Не косвенная — прямая. Первичная документация, которую невозможно объяснить ни случайным контактом на заправке, ни подругой рыболова.

Три чека из Серебрянска. Чужие духи на воротнике. Латексный презерватив в блистере от моего лекарства.

Мой идеальный баланс, который я сводила тысяча триста пятниц, — только что обрушился в дефолт. Не потому что

цифры перестали сходиться. А потому что выяснилось: цифры были правильные, но учитывали не все активы. И не все обязательства.

Существовала вторая бухгалтерия. Теневая. Та, куда уходила графа «Личные В.», та, которую я столько лет уважительно не трогала — договор есть договор.

Я хотела заплакать. Тело хотело — горло сжалось, глаза защищало, и где-то в солнечном сплетении поднялась волна, горячая и тяжёлая, как нагретая вода в трубах перед прорывом.

Но я не заплакала.

Потому что за дверью сидел человек, который ел мой суп, спал на моих простынях, целовал меня в макушку и прятал презерватив в моё лекарство от аллергии. И если я выйду сейчас с мокрыми глазами, он спросит: «Лен, ты чего?» — и мне придётся что-то ответить. А у меня пока нет полной картины. Есть индикаторы. Есть тенденция. Есть одна прямая улика.

Но нет системы.

Бухгалтер не предъявляет акт сверки, пока не проведена полная инвентаризация. Это правило я знала лучше, чем собственный день рождения.

Я встала. Ноги держали. Аккуратно вложила презерватив обратно в блистер. Блистер — обратно во внутренний карман куртки. Молнию застегнула. Куртку положила в стиральную машину. Выставила режим: хлопок, шестьдесят

градусов, отжим тысяча двести.

Запах чужих духов уйдёт через сорок минут.

Нажала «Старт». Машина загудела, набирая воду.

Я вышла из ванной. Прошла по коридору. Заглянула в комнату: Володя лежал на диване, ноги на подлокотнике, рот приоткрыт — задремал перед телевизором. Обычный воскресный вечер.

Вернулась на кухню. Открыла ноутбук. Посмотрела на файл «Бюджет_семья».

Я закрыла его, не открывая. Впервые за всё время мне не хотелось смотреть на цифры, которые сходятся.

Потому что теперь я знала: они сходятся неправильно.

За стеной гудела стиральная машина, перемалывая воротник, на котором ещё полчаса назад пахло чужой женщиной. В холодильнике лежал окунь, за которым Володя, по его словам, гонялся три часа. А в куртке, которая сейчас крутилась в барабане при шестидесяти градусах, был спрятан латексный презерватив — в блистере от лекарства, которое я принимала потому, что мне нельзя латекс.

Глава 4

Стиральная машина гудела уже минут десять, когда до меня дошло.

Я стояла на кухне, смотрела на закрытый ноутбук и слушала мерный рокот барабана за стеной — и вдруг мой внутренний бухгалтер, тот самый, который последние полчаса сидел в оцепенении, очнулся и произнёс холодным казённым голосом: «Вы только что уничтожили первичную документацию».

Презерватив. В индивидуальной упаковке. В куртке. В стиральной машине. При шестидесяти градусах.

Я рванула в ванную так, что тапок слетел с ноги. Колено впечаталось в дверной косяк — потом будет синяк, но это потом. Кнопка «Пауза». Машина всхлипнула и затихла. Замок люка мигал красным: подождите, идёт слив. Тридцать секунд. Самые длинные тридцать секунд в моей жизни.

Щелчок. Открыла. Горячий, мыльный пар ударил в лицо. Я вытащила куртку — тяжёлую, мокрую, скрученную в жгут вместе с его футболкой и носками. Вода текла на пол, на мои чистые полы, которые я мыла сегодня утром. Плевать.

Внутренний карман. Молния. Мокрые пальцы соскальзывали, и я дёрнула второй рукой — расстегнула.

Блистер был на месте. Мокрый, но целый. И презерватив внутри — в своей герметичной упаковке — не пострадал.

Фольга помялась, серебристый пакетик потемнел от воды, но буквы читались. Марка. Латекс. Всё на месте.

Я выдохнула. Не от облегчения — какое тут облегчение. От того, что улика цела.

Положила блистер на край раковины. Вытерла руки полотенцем. И тут остановилась.

Я — бухгалтер. Двадцать три года стажа. Когда я нахожу одну ошибку в отчёте, я не закрываю файл — я проверяю весь документ. Потому что ошибки не ходят поодиночке. Если есть одна — ищи вторую. А если найдёшь вторую — готовься к тому, что их десять.

Я расправила куртку на краю ванны. Мокрая ткань во- няла порошком и рыбой. Проверила каждый карман: левый нагрудный — пусто, правый нагрудный — размокшая зубочистка. Боковые — пусто. Внутренний — блистер (уже извлечён).

Подкладка.

Я вывернула куртку наизнанку. Швы, подкладочная ткань, чёрная, скользкая. И там, где подкладка пришивалась к основной ткани у нижнего шва, — он был. Бумажный комок, прилипший к ткани, как пластырь. Маленький, бледный, почти незаметный. Чек.

Он промок. Края размякли, чернила расплылись — но не до конца. Десять минут при шестидесяти градусах — это не полный цикл. Термопечать держалась.

Я развернула его на ладони, осторожно, как разворачива-

ют старую карту. Буквы расплывались, но читались.

Кафе «У камина». Город Серебрянск. Суббота. 19:32.

Два салата «Цезарь». Два стейка «Рибай». Бутылка вина — название размыло, но слово «красное» угадывалось.

Суббота. Вчера. Девятнадцать тридцать два.

Вчера в девятнадцать тридцать два мой муж сидел в кафе в Серебрянске — за триста километров от ближайшего озера, — ел стейк и пил вино. Два салата. Два стейка. Не один. Два.

Он не ужинал в палатке с ухой на костре и комарами, как рассказывал час назад за моим супом. Он сидел напротив кого-то. Кого-то, от кого пахло сладкими цветочными духами. Кому заказал «Цезарь» и «Рибай».

Я аккуратно положила чек рядом с блистером. Две улики. Две единицы первичной документации.

Встала. Посмотрела на себя в зеркало.

Женщина сорока семи лет. Мокрая прядь прилипла ко лбу. Глаза сухие. Скулы напряжены. Выражение лица — никакое. Как пустая ячейка в таблице: ни дебета, ни кредита. Ноль.

Нет. Не ноль. В бухгалтерии ноль — это когда всё сошлось. А у меня ничего не сходилось. У меня был недокументированный актив: женщина в Серебрянске, которая ела «Цезарь» с моим мужем. И недокументированное обязательство: латексный презерватив, о существовании которого я, законная жена, не должна была знать.

Скрытая бухгалтерия. Двойной учёт.

Мне нужно было место, куда положить то, что я нашла. Безопасное. Там, где Володя не полезет.

Я вытерла блистер бумажным полотенцем. Чек промокнула и вложила между двумя ватными дисками — сохнуть. Вышла из ванной, прислушалась: из комнаты доносился телевизор и мерное сопение. Спит.

Прошла в спальню. Открыла шкаф. Верхняя полка, та, до которой я дотягивалась только на табуретке. Там стояла коробка из-под моих зимних сапог — белая, пыльная, с логотипом фабрики, которой, кажется, уже не существовало. Сапоги я выбросила лет пять назад. Коробку оставила — пригодилась для хранения старых квитанций.

Квитанции переложила в пакет. Освободила коробку. Положила внутрь блистер с презервативом, завёрнутый в чистый пакетик. Рядом — чек в ватных дисках. Сверху — лист бумаги, на котором написала от руки, ровным почерком: «Куртка В., воскресенье. Блистер (презерватив, латекс). Чек — кафе "У камина", Серебрянск, суббота 19:32, 2 персоны». Опись.

Закрыла коробку. Убрала на полку. Задвинула стопкой полотенце.

Вернула остальные вещи в машинку. Запустила заново. Шестьдесят градусов, отжим тысяча двести. Подтёрла лужу на полу.

Всё на месте.

Володя проснулся через полчаса. Пришёл на кухню, щурясь и зевая.

— Заснул, — сказал он. — Там такой футбол скучный, аж вырубился. Есть чего пожевать?

— Разогрею суп. Или пельмени сварить?

— Суп давай. И хлеба побольше.

Я поставила тарелку. Нарезала хлеб. Положила ложку, салфетку. Движения были точные, привычные, как бухгалтерские проводки — дебет тарелка, кредит кастрюля, сальдо на столе.

Он ел. Я сидела напротив с кружкой чая и смотрела на него.

Сорок девять лет. Залысины. Складка над воротником футболки — поправился за последний год, но не критично. Ест громко, с хлебом, макает корку в бульон. Так он ел в двадцать четыре, когда мы познакомились. Так — в двадцать девять, когда женились. Так — за сорок, когда мы перестали ездить к врачам и закрыли дверь в детскую. Одинаково. Всегда одинаково. Как будто вокруг него ничего не менялось — или менялось, но он этого не замечал.

— Слушай, — он поднял голову, — а я тебе рассказывал про соседа на берегу? Мужик из Бокова. Приехал со своей лодкой, надувной, и...

— Рассказывал. Щука.

— А, точно. Ну вот, он потом ещё...

— Она сорвалась.

— Ну да, сорвалась. Но он потом ещё раз закинул и...

Я слушала. Кивала. Улыбалась. Внутри меня бухгалтер сидел за пустым столом и раскладывал факты, как карточки пасьянса.

Карточка: сосед из Бокова с лодкой. Анонимный свидетель, существование которого подтверждается только словами Володи. В аудите это называется «документ без подписи» — принимается к сведению, но не является доказательством.

Карточка: «Спал в палатке, комары жрали». Опровергается чеком из кафе «У камина» от девятнадцати тридцати двух. В палатке стейк «Рибай» не подают.

Карточка: «Окунь, два с половиной кило, вываживал три часа». Можно проверить. Магазиновые и свежесловленные отличаются. Я не рыбак, но я бухгалтер: если есть сомнение — проверь первоисточник.

— Лен, ты чего улыбаешься?

— Рассказываешь смешно.

— Ну так! Я ж говорю — мужик с лодкой, это ж цирк был!

Я смотрела, как он жестикулирует ложкой, как капля бильона летит на скатерть, как он не замечает и продолжает говорить. Энергично. Вдохновенно. С подробностями, которые рождались прямо в процессе, как пузыри в кипящей воде.

Сколько лет я слушала его рыбацкие байки. Сколько лет принимала их как данность — ну, привирает, все рыбаки

привирают. Размер рыбы, сила ветра, количество комаров — это же фольклор, не ложь. Так я думала.

А теперь сидела напротив него с чашкой чая и понимала: он не привирает. Он лжёт. Системно. Профессионально. С деталями, которые невозможно проверить, и эмоциями, которым хочется верить.

И я верила. Годами.

— Ладно, — он отодвинул тарелку. — Спасибо, Лен. Пойду ещё полежу, завтра на работу рано.

— Иди. Я посуду уберу.

Он встал, потянулся. Прошёл мимо, коснулся моего плеча — машинально, на ходу, как касаются дверной ручки. И ушёл.

Я вымыла тарелку. Кружку. Кастриюлю. Протёрла стол. Скатерть — в стирку, там пятно от бульона. Вытерла плитку. Повесила полотенце ровно, параллельно краю.

Легли в одиннадцать. Володя отвернулся к стене, натянул одеяло до уха и через три минуты захрапел. Ровно, размеренно, с присвистом на выдохе. Этот храп я слушала столько лет, что перестала замечать. Иногда толкала его локтем — переворачивался, затихал, потом начинал снова. Бесконечный цикл, как начисление амортизации.

Я лежала на спине с открытыми глазами.

Потолок был белый. Люстра — та же, что при переезде, мы всё собирались поменять и не меняли. Тень от уличного фонаря рисовала на стене полосу, похожую на строку

в таблице.

Тысяча триста пятниц. Я сводила дебет с кредитом, считала коммуналку, контролировала каждую статью расходов — продукты, аптека, транспорт, ремонт. Я была идеальным финансовым директором этой семьи. А главную статью расходов — «Личные В.» — уважительно оставляла пустой. Потому что доверие. Потому что «мужу нужно личное пространство» — так говорила мама, так говорили журналы, так говорил здравый смысл.

Здравый смысл говорил: не лезь.

Чеки из Серебрянска говорили: лезь.

Я повернула голову. Посмотрела на его спину. Широкую, в старой футболке. Спина человека, который час назад рассказывал мне про щуку соседа из Бокова, а вчера ел стейк с чужой женщиной в кафе.

Мне хотелось разбудить его. Сесть на кровати, включить свет, и сказать: «Володь, а покажи мне чек из кафе "У камина". Тот, за два стейка и вино. Расскажи, какой там был комар».

Но я не разбудила.

Сначала — инвентаризация. Потом — выводы.

Володя захрапел громче. Я отвернулась к своей стене.

На верхней полке шкафа, за стопкой полотенец, в коробке из-под несуществующих сапог лежали два документа. Начало досье. Первые страницы отчёта, который я пока не знала, как назвать.

Но я знала одно: этот отчёт я доведу до конца. Потому что незакрытый аудит — это худшее, что может случиться с бухгалтером. Хуже недостачи. Хуже убытков. Хуже даже налоговой проверки.

Незакрытый аудит — это когда ты знаешь, что цифры врут, но не знаешь — насколько.

Глава 5

Кафе «У Палыча» находилось в пяти минутах ходьбы от моей работы, и это было его главное достоинство. Не единственное — там ещё делали приличные котлеты по-киевски и не разбавляли компот, — но главное. В обеденный перерыв, когда у тебя сорок пять минут и голова забита квартальной отчётностью, пять минут пешком — это актив.

Я пришла первой. Заняла столик у окна, подальше от стойки. Клетчатая скатерть, пластиковая салфетница, меню в файлике — всё знакомое, всё привычное. Пахло жареным маслом, укропом и чем-то сладким из духовки — «Палыч» славился своими ватрушками, хотя самого Палыча никто никогда не видел, и я подозревала, что он был такой же выдумкой, как Володины окуни.

Заказала две котлеты по-киевски, два компота и салат. Клава вечно опаздывала и вечно говорила: «Закажи мне что-нибудь, я на всё согласна», — а потом двадцать минут объясняла, почему ей нужно было именно другое. Но котлету она любила. Это я знала точно. Двадцать лет дружбы — и хотя бы в этом вопросе у нас была полная сверка.

Конверт лежал в моей сумке. Обычный белый конверт, без надписи. Внутри — пакетик с презервативом и чек из кафе «У камина», уже подсохший, аккуратно расправленный и вложенный между двумя листами чистой бумаги. Я готовила

его три дня. Не физически — физически это заняло минуту. Я готовила себя.

Три дня. Понедельник, вторник, среда. Три дня я ходила на работу, сводила балансы, проверяла авансовые отчёты подчинённых, подписывала платёжки. Три дня я возвращалась домой, готовила ужин, разговаривала с Володей о погоде, о его начальнике, о том, что кран на кухне опять подтекает. Три дня я ложилась рядом с ним, слушала его храп и смотрела в потолок.

Три дня я молчала.

Молчать было невыносимо. Не потому что хотелось кричать — кричать не хотелось, я вообще не кричащий человек. Молчать было невыносимо потому, что информация, которая не передана и не обработана, начинает гнить. Как документ, который не подшит в дело. Как проводка, которая зависла между счетами. Она занимает место, она мешает думать, она отравляет всё вокруг.

Мне нужно было сказать это вслух. Хотя бы одному человеку.

Клава ворвалась в кафе, как всегда, — с размахом, с шарфом, который летел за ней, как флаг корабля, и с сумкой, из которой торчал зонт, пакет из аптеки и что-то похожее на журнал.

— Ленка! Прости-прости-прости, Михалыч опять совещание затянул, я думала — умру прямо в переговорке, он сорок минут объяснял, почему нам нужно перейти на новую

CRM-систему, а я сижу и думаю: котлета стынет, Ленка ждёт, а этот...

— Я заказала тебе котлету.

— Ты золото. Именно котлету? По-киевски?

— По-киевски.

— Ты абсолютное золото. Компот?

— И компот.

Она рухнула на стул, скинула шарф, глотнула компот и начала рассказывать про Михалыча, про его CRM-систему, про новую стажёрку, которая «не отличает дебет от кредита, Лен, я тебе клянусь», про давление, которое скачет, про кота, который разодрал штору.

Я ждала.

Клава была моей подругой двадцать лет. Мы вместе работали в одной конторе, когда обеим было по двадцать семь, потом разошлись по разным фирмам, но обеды по средам остались. Ритуал. Как мой пятничный Эксель, только с котлетами. Клава была шумной, категоричной, избыточной во всём — в жестах, в словах, в количестве сахара в чае. Она разводилась дважды, оба раза с фейерверком, оба раза потом говорила: «Ну и дура я была, что терпела». У неё было трое детей от двух мужей, хроническое несварение и абсолютная, железобетонная преданность мне — единственной подруге, которая ни разу за двадцать лет не сказала ей «я же говорила».

Принесли котлеты. Масло потекло из разреза, как и поло-

жено — жёлтое, горячее, ароматное. Клава вонзила вилку и замолчала ровно на четыре секунды — её физиологический максимум тишины.

— Ну, — сказала она, прожевав, — а у тебя чего? Ты какая-то... ровная.

— Я всегда ровная.

— Нет, ты обычно ровная, а сейчас ты ровная как забор. Такая... деревянная ровность. Что случилось?

Я отпила компот. Поставила стакан. Вытерла руки салфеткой. Потом достала из сумки конверт и положила на стол. Между моей тарелкой и её тарелкой, аккуратно, параллельно краю скатерти.

Клава посмотрела на конверт. Потом на меня. Потом опять на конверт.

— Это чего?

— Открой.

Она открыла. Заглянула внутрь. Достала прозрачный пакетик. Повертела. Прочитала надпись на серебристой упаковке. Положила. Достала чек. Развернула, прочитала. Медленно.

Я смотрела на неё и считала про себя. Три, четыре, пять... На счёте «семь» у Клавы поднялись брови. На «девять» — открылся рот. На «двенадцать» он всё ещё не закрылся.

— Это... — начала она. — Это... Лена. Лена. Это что?

— Чек из кафе «У камина» в Серебрянске. Субботний. Два салата, два стейка, вино. И презерватив. Латекс. Найде-

но в куртке мужа после рыбалки.

Я произнесла это так, как зачитываю акт сверки на собрании: спокойно, по пунктам, без интонации. Клава смотрела на меня, и выражение её лица менялось — от недоверия к пониманию, от понимания к ужасу, от ужаса к ярости. Как цветовая шкала в Эксель: от жёлтого к оранжевому и дальше, к тёмно-красному.

— Сука, — сказала Клава.

Это было громко. Очень громко. Женщина за соседним столиком повернулась к нам с вилкой в руке. Мужчина у стойки поднял голову от телефона.

— Тише, — сказала я.

— Какое тише?! Ленка! Он... Он что, правда?... Володя?!

— Клав. Тише.

Она наклонилась ко мне через стол. Перешла на тот особый регистр, который считала шёпотом, но который был слышен, вероятно, в кабинете Палыча — если бы Палыч существовал.

— Ленка. Ты хочешь сказать, что твой Грачёв. Твой Володя. Который изображает заядлого рыбака. Ездит не на рыбалку?

— Я хочу сказать, что у меня есть три чека с одной заправки в Серебрянске, три субботы подряд. Чек из ресторана на две персоны. Запах чужих духов на воротнике его куртки. И латексный презерватив, спрятанный в блистере от моего антигистаминного.

— От твоего... — Клава откинулась на стуле. — Ленка. У тебя же аллергия.

— Контактная. Диагностированная. Мы не пользуемся ими с девяносто девятого года.

— И он засунул его в твои таблетки от аллергии.

— В блистер. Да.

Клава взяла салфетку, скомкала, бросила. Взяла другую, скомкала тоже. Посмотрела на меня. Глаза у неё блеснули — не от слёз, от гнева.

— Я его убью, — сказала она. — Нет, сначала я ему спиннинг об хребет сломаю. Оба спиннинга. Тот японский карбон — у меня от одного этого слова уже тошнит, Ленка, он же каждый раз на наших посиделках: «японский карбон», «японский карбон»! Я ему этот карбон знаешь куда...

— Спиннинг — совместно нажитое имущество, — сказала я. — Ломать его мне невыгодно.

Клава уставилась на меня. Потом моргнула.

— Ты... Лена. Ты сейчас серьёзно? Про совместно нажитое?

— Абсолютно серьёзно.

— У тебя муж таскается к какой-то женщине в Серебрянск, а ты мне про имущество?!

— Клав. — Я аккуратно промокнула салфеткой каплю масла, которая стекла с её котлеты на скатерть. — Мне не нужен скандал. Скандал — это когда я выхожу из ванной с этим, — я кивнула на конверт, — и кричу. Он испугается.

Потом оправится. Потом начнёт врать — он это умеет, ты сама знаешь. Скажет: «Это не моё, подбросили, нашёл на дороге, купил для Петровича, тот попросил, мне неудобно было отказать». И я останусь с его враньём и с двумя косвенными уликами, которые ничего не доказывают в суде.

— А чек?

— Чек размыт наполовину. Я его чудом спасла из стиральной машины. Название читается, сумма — нет. Адрес — частично. Любой адвокат скажет: «Может, это не его чек, может, подобрал, может, зашёл один».

Клава молчала. Это было необычно — Клава молчала, наверное, раз в квартал, и обычно это означало, что она собирается с мыслями для особенно мощного залпа. Но сейчас она молчала по-другому. Она смотрела на меня и, кажется, впервые за двадцать лет нашей дружбы видела во мне не «Ленку-тихоню», а что-то другое.

— Тебе нужна система, — сказала она наконец.

Я кивнула.

— Мне нужна полная картина. Кто она. Где. Как давно. Сколько денег ушло. Мне нужны не два чека и один презерватив — мне нужен полный аудит. С первичной документацией, с хронологией, с доказательной базой, которую невозможно оспорить. И только потом — разговор. Или не разговор. Посмотрим.

Клава подняла стакан с компотом, отпила, поставила.

— Ты страшный человек, Грачёва, — сказала она почти с

восхищением. — Ты знаешь?

— Я бухгалтер.

— Это одно и то же.

Она помолчала ещё немного, ковыряя вилкой остатки котлеты. Потом подняла голову.

— Слушай. Я знаю одного юриста. Серьёзный мужик. Подполковник в отставке, военный был. Сейчас частная практика — разводы, раздел имущества. Клиентка моя к нему ходила в прошлом году, когда её благоверный квартиру на тёщу переписал, — так он за два месяца всё вытащил. Берёт недорого, работает чисто. Хочешь, дам контакт?

— Рано, — сказала я.

— Лен...

— Рано, Клав. Я ещё даже не знаю, кто она. Где она. Я не знаю масштабов. Идти к юристу с двумя чеками и презервативом — это как идти в налоговую с одной подозрительной проводкой. Сначала нужна проверка. Полная. Внутренняя.

— А если он заметит? Что ты копаешь?

— Не заметит. — Я посмотрела на Клаву. — Он годами не замечает, какой у меня аллерген. Не заметит и это.

Клава открыла рот, закрыла. Открыла снова.

— Ладно, — сказала она. — Ладно. Но контакт юриста я тебе всё равно скину. Пусть лежит. Как твои чеки в коробке из-под сапог — пусть лежит и ждёт.

— Я не говорила тебе, где я их храню.

— Ленка, я тебя двадцать лет знаю. Конечно, в коробке

из-под обуви. У тебя всё — в коробках, в папках и в файлах. Ты, наверное, и опись составила.

Я промолчала. Опись я действительно составила.

Клава усмехнулась. Потом посерьёзнела.

— Лен. Только одно скажу. Не как подруга — как женщина, которая два раза через это прошла. Ты можешь сколько угодно вести свой аудит и собирать свою систему. Но когда всё вскрыется — а оно вскрыется, поверь мне, — тебе станет больно. Не бухгалтерски. По-человечески. И к этому никакой Эксель не подготовит.

Я посмотрела на неё. На её круглое, покрасневшееся лицо. На компот, в котором плавала долька яблока. На салфетки, которые она скомкала в маленькую горку.

— Я знаю, — сказала я.

— И ещё. Запиши контакт юриста. Белов Сергей Иванович. Запиши, Лен. Просто на всякий случай.

Я записала. В телефон, в заметки, между «купить порошок» и «мамины капли от давления». Белов С.И. Юрист. Без комментариев.

Мы доели котлеты. Допили компот. Клава расплатилась — «Не спорь, Ленка, в следующий раз ты» — и мы вышли на улицу. Было тепло, пахло тополиным пухом, и у меня тут же зачесались глаза.

— Ленка, — Клава остановилась у перехода. Обернулась. — Если что — звони. В любое время. Хоть в три ночи. Я приеду.

— Ты живёшь на другом конце города.

— И что? Приеду. С монтировкой.

— Монтировка — не совместно нажитое?

Клава засмеялась. Потом обняла меня — крепко, по-медвежьи, обдав запахом своих духов (ландыш, она пользовалась «Ландышем» последние лет десять, и я каждый раз чихала, но не говорила ей).

Я чихнула.

— Аллергия? — спросила Клава.

— Да, — сказала я.

Мы разошлись. Она — в свой офис, я — в свой. Обеденный перерыв заканчивался через двенадцать минут, и мне нужно было ещё проверить три платёжки до конца дня.

На ходу я открыла заметки в телефоне. «Белов С.И. Юрист». Контакт был. Просто лежал.

Пусть лежит.

Пока.

Глава 6

Володя позвонил в шесть вечера.

— Лен, задержусь. Новый заказ пришёл, начальник просит пересчитать спецификацию. Буду часам к девяти, ладно?

— Ладно, — сказала я.

— Ты не голодная? Может, закажешь чего?

— Я поем, не переживай.

— Ну давай. Целую.

Он повесил трубку. Я стояла в прихожей с телефоном в руке и слушала тишину.

Раньше я бы не обратила внимания. «Задержусь на заводе» — нормальная фраза нормального инженера. Заказы, спецификации, начальник — всё логично. Всё проверяемо. Можно позвонить на завод, спросить: «Владимир Сергеевич на месте?» — и получить подтверждение.

Но я не буду звонить на завод. Не потому что доверяю. А потому что сейчас это неважно. Неважно, где он именно в эту минуту — на заводе, в машине, в Серебрянске. Важно другое.

У меня есть три часа пустой квартиры. И мне есть чем их заполнить.

Я прошла на кухню, поставила чайник. Достала из холодильника сыр и помидор — ужин бухгалтера на скорую руку. Нарезала, положила на тарелку. Хлеб, масло. Всё.

Потом открыла ноутбук.

Рабочий стол был привычно пуст: папка «Работа», папка «Дом», папка «Мама» (рецепты, списки лекарств, адрес её поликлиники). Ярлык Эксель. Ярлык почты.

Я открыла Эксель. Создала новый документ. Курсор мигал в ячейке A1 — белое пустое поле, чистый лист, начало нового аудита.

Имя файла: «Рыбалка_факты».

Пальцы легли на клавиатуру, и я почувствовала то, что чувствую каждый раз, когда начинаю новую таблицу: спокойствие. Контроль. Ячейки не врут. Формулы не изменяют. Столбцы не прячут презервативы в блистерах. Если данные введены правильно, результат будет честным — всегда, без исключений, без оправданий.

Мне нужно было это сейчас. Эта честность. Эта стерильная, бесстрастная математика, которая не умеет утешать, зато умеет считать.

Первый лист я назвала «Хронология».

Столбец A — дата. Столбец B — «Заявленная цель поездки» (версия Володи). Столбец C — «Фактические данные» (чеки, свидетельства, косвенные улики). Столбец D — «Расхождение».

Я начала с того, что помнила. С текущего года. Открыла семейный бюджет — тот самый, тысяча триста пятниц, — и стала выписывать даты, когда Володя уезжал «на рыбалку». Искать было легко: в бюджете каждая поездка фиксиро-

валась строкой «Бензин — рыбалка» в графе транспортных расходов. Я сама их вносила. Аккуратно. Добросовестно.

С начала года — семь поездок. Январь, два раза в феврале (зимняя рыбалка, он говорил — подлёдная), март, два раза в апреле, май.

Потом я открыла прошлогодний файл. Ещё четырнадцать поездок. Позапрошлый — шестнадцать. Тот, что ещё раньше — я листала вкладки, и цифры множились, как зёрна на шахматной доске: четырнадцать, пятнадцать, тринадцать...

Я остановилась на отметке «два года назад» — дальше копать в один вечер было невозможно. Тридцать пять поездок за два года. Семьдесят дней. Больше двух месяцев суммарно.

Два месяца моей жизни, проведённых в пустой квартире, пока Володя — что? Ловил рыбу? Или ел стейк в Серебрянске?

Я сделала глоток чая. Он остыл. Я не заметила когда.

Второй лист: «Улов».

Это было самое интересное. Он всегда привозил рыбу. Всегда. Это было частью ритуала — вваливался в прихожую, поднимал мокрый пакет, объявлял вес и вид. Окунь. Иногда — два окуня. Очень редко — судак. Я готовила, он рассказывал байку, мы ужинали.

Точный вес я не записывала. Зачем? Но Володя фотографировал. Каждый раз. Укладывал рыбу на газету, клал рядом нож или зажигалку для масштаба, фотографировал и отправлял мне в мессенджер с подписью вроде «Красавец!»

или «Три кило, не меньше!».

Я открыла наш чат. Прокрутила вверх. Фотографии были — одна за другой, раз в две-три недели. Окунь на газете. Окунь на газете. Окунь на газете. Разные газеты. Разные ножи. Но рыба...

Рыба была подозрительно одинаковой.

Я начала вносить данные. Дата — фото — заявленный вес. Через сорок минут столбец «Заявленный вес» был заполнен.

Я посмотрела на него. И включила функцию «Описательная статистика».

Среднее значение: 2,87 кг. Минимум: 2,4 кг. Максимум: 3,5 кг. Стандартное отклонение: 0,31.

Я перечитала цифры. Потом перечитала ещё раз.

Я не рыбак. Никогда не держала в руках удочку. Но я — человек, который двадцать три года работает с цифрами, и я знаю, как выглядит естественный разброс данных.

Естественный разброс — это хаос. Это когда рыбак приходит то с ведром мелочи, то с одним крупным трофеем, то вообще без ничего, потому что не клевало, потому что давление упало, потому что ветер не тот. Рыбалка — это природа, а природа не подчиняется нормальному распределению. У настоящего рыбака график улова должен выглядеть как кардиограмма после испуга: скачки, провалы, аномалии.

А у Володи — прямая линия. 2,87 кг, плюс-минус триста грамм. Стабильнее зарплаты бюджетника.

Это не рыбалка. Это закупка.

Он покупал рыбу. Каждый раз. Примерно одного размера, примерно одного веса — потому что в магазине окунь именно такой: выращенный, откормленный, стандартизированный. Не триста грамм, не пять кило. Два с половиной — три. Торговый стандарт.

Я откинулась на стуле.

Где-то внутри меня — глубоко, под слоями таблиц и формул — было больно. Не от факта измены — к этому факту я за несколько дней начала привыкать, как привыкаешь к ноющему зубу. Больно было от масштаба обмана. От осознания того, что это не разовый срыв, не случайная слабость — это система. Многолетняя, отлаженная, с регулярными поставками купленного окуня и отрепетированными байками про «японский карбон».

Он не просто соврал мне. Он завёл параллельную бухгалтерию. Как предприятие, которое ведёт белую отчётность для налоговой и чёрную — для себя. Белая — это пятничный Эксель, коммуналка, «хозяйюшка». Чёрная — это Серебрянск, духи, стейки и графа «Личные В.», куда я годами уважительно не заглядывала.

Третий лист: «Финансы».

Здесь было сложнее. Я могла посчитать только то, что проходило через общий бюджет: бензин на поездки. Остальное — гостиница? Рестораны? Подарки? — шло через личную карту Володи. Ту самую, которую я не контролировала.

Я открыла калькулятор и прикинула. Тридцать пять поездов за два года. Бензин туда-обратно: если до Серебрянска — три часа, это примерно шестьсот километров в оба конца. Расход его служебной машины я знала приблизительно. Умножила. Получилась приличная сумма только на топливо, и это — без учёта ресторанов, ночёвок, покупки рыбы-алиби.

Но точные цифры были на его карте. А его карта — это было его личное, куда я дала слово не заходить.

Я записала в таблицу: «Личная карта В. — слепое пятно бюджета. Точный объём расходов неизвестен. Требуется доступ».

Потом подчеркнула слово «требуется» и добавила: «Или альтернативный источник данных».

Чай окончательно остыл. Сыр на тарелке заветрился. За окном темнело, и в квартире напротив зажёгся свет — там жила пожилая пара, и каждый вечер в одно и то же время включался голубой отблеск телевизора. Стабильно. Как мои таблицы. Как Володины окуни.

Я вернулась к первому листу. «Хронология». Прокрутила столбец D — «Расхождение».

Напротив последних трёх поездов стояло: «Чек АЗС — Серебрянск, центр города. Легенда: озеро. Расхождение: географическое».

Напротив последней: «Чек кафе — Серебрянск, два лица. Презерватив (латекс). Духи на воротнике. Расхождение:

критическое».

А напротив остальных тридцати двух поездок — пусто. Ни подтверждений, ни опровержений. Белые ячейки. Незвестность.

Тридцать два выходных, о которых я не знала ничего.

Мне нужны были доказательства. Не эмоциональные — документальные. Физические. Такие, которые можно положить на стол и сказать: «Вот. Читайте».

Я закрыла ноутбук. Встала. Прошла по кухне — два шага туда, два обратно. Остановилась у холодильника. На дверце висел магнит из Анапы — мы ездили туда шесть лет назад, последний совместный отпуск, и Володя тогда два дня пролежал в номере с расстройством желудка, а я сидела на пляже одна и читала новый закон о бухучёте. Хороший был отпуск. Тихий.

Шесть лет назад.

Я вернулась к столу. Открыла ноутбук. Нашла в бюджете ту самую поездку: июль, Анапа, двенадцать дней. Расходы, билеты, гостиница. Всё честно, всё на месте.

А через месяц после Анапы — первая «рыбалка» нового сезона. Август. И с тех пор — как по расписанию. Два-три раза в месяц. Стабильно. Без перерыва.

Шесть лет.

Я смотрела на экран и чувствовала, как что-то тяжёлое и холодное оседает внизу живота — не боль, не страх, а осознание. То самое чувство, которое бывает, когда ты про-

водишь инвентаризацию на предприятии и понимаешь, что недостача — не ошибка кладовщика, а многолетнее хищение.

Закрыла файл. Сохранила. Пароль — длинный, не «12345».

Потом достала из ящика стола блокнот. Обычный блокнот, в клетку, с синей обложкой. Физическая копия. На случай, если ноутбук сломается. На случай, если Володя найдёт файл. На случай всего.

Написала ровным, бухгалтерским почерком:

Задача 1: проверить состояние спиннинггов в гараже. Если снасти не используются — подтверждение, что рыбалка — прикрытие.

Задача 2: допросить объект о презервативе. Не прямо. Через наводящие вопросы. Проверить реакцию.

Задача 3: установить маршрут и конечную точку поездок (Серебрянск — подтверждено, но нужен точный адрес).

Задача 4: оценить масштаб финансовых потерь (требуется доступ к личной карте В. или альтернативный источник).

Четыре задачи. Четыре шага. Понятные, конкретные, выполнимые.

Я закрыла блокнот. Убрала в сумку — ту, рабочую, с которой хожу в офис. Он в неё не лезет. Никогда не лез.

Часы на стене показывали половину девятого. Скоро придёт. Будет пахнуть заводом или бензином, или чем он там

сегодня пахнет. Будет ужинать, рассказывать про спецификацию и начальника. Будет обычным.

А я буду сидеть напротив и улыбаться. Как сидела в воскресенье. Как буду сидеть завтра, и послезавтра, и столько, сколько понадобится.

Потому что я больше не жена, которая ждёт мужа с рыбалки.

Я — аудитор. И у меня открыта проверка.

Глава 7

Я стояла у плиты, помешивала борщ и репетировала вопрос.

Репетировала — это громко сказано. Я прокручивала в голове формулировки, как бухгалтер прокручивает варианты проводок, выбирая оптимальную. Слишком прямо — он испугается и закроется. Слишком мягко — не поймёт, о чём речь. Слишком иронично — заподозрит подвох.

Нужен был нейтральный тон. Бытовое любопытство. «Кстати, дорогой, что это за штука?» — как будто нашла в кармане непонятную деталь от чего-то технического.

Из прихожей доносился знакомый грохот: Володя перебирал снасти. Завтра — очередная рыбалка. Очередной Серебрянск (вероятно). Очередной окунь весом два и восемь (предположительно). Я уже внесла в таблицу строку: «Поездка №8, суббота-воскресенье, заявленная цель — озеро». Столбец «Фактические данные» пока пустовал. Но скоро заполнится.

— Лен! — крикнул Володя из прихожей. — Борщ скоро?

— Десять минут.

— Отлично! Я как раз катушку проверю, там что-то заедает.

Катушка. Заедает. Он годами говорит про катушки, лески и какие-то «тюльпаны» на удилищах. Я никогда не вника-

ла. Думала — мужское дело, пусть возится. Теперь мне было интересно: он хотя бы знает, как эти катушки выглядят изнутри? Или повторяет слова из рыболовных форумов, как попугай?

Борщ дошёл. Я разлила по тарелкам, нарезала хлеб, поставила сметану. Обычный пятничный ужин. Всё как всегда. Кроме того, что сегодня я собиралась провести первый допрос подозреваемого.

Володя вошёл на кухню, потирая руки.

— О, красота! Борщец! Лен, ты у меня золото.

Он сел, подвинул к себе тарелку, взял ложку. Я села напротив. Тоже взяла ложку. Начали есть.

Тишина. Только звяканье металла о фаянс и чавканье — Володя ел громко, с хлебом, такая корка в бульон. Привычные звуки привычного ужина. Я ждала.

На третьей ложке он поднял голову.

— Чего молчишь? Обычно ты про бюджет рассказываешь.

— Устала сегодня. Квартальный отчёт добивала.

— А, понятно. Бухгалтерия — это ж ад. Я бы в цифрах этих утонул.

Он вернулся к борщу. Я сделала ещё несколько ложек. Потом отложила прибор, взяла салфетку, промокнула губы. Всё спокойно. Всё естественно.

— Слушай, — сказала я, — хотела спросить. Я на прошлой неделе твою куртку в стирку закидывала...

Он кивнул, не отрываясь от еды.

— ...и в кармане нашла странную штуку. В блистере. Знаешь, такой, как от моих таблеток.

Ложка замерла на полпути ко рту. Борщ капнул обратно в тарелку.

— В блистере? — переспросил он.

— Ну да. Я подумала сначала — это мои антигистаминные, может, ты случайно положил. Но там внутри было... — я сделала паузу, наблюдая за его лицом, — ...что-то резиновое. Квадратное такое, в упаковке.

Володя медленно опустил ложку. Его глаза метнулись влево, потом вправо, потом вниз — классическая траектория человека, который лихорадочно ищет ответ в пустоте. Я видела такие глаза у сотрудников, которых ловили на приписках. Тот же алгоритм: замешательство — паника — экспромт.

Экспромт был близко. Я почти слышала, как скрипят шестерёнки у него в голове.

— А! — он хлопнул себя по лбу с такой силой, что я вздрогнула. — Это! Ну конечно! Лен, это для рыбы.

— Для рыбы?

— Ну да! — он заулыбался, расслабился, подался вперёд. Нашёл версию. Держит её, как спасательный круг. — Понимаешь, сейчас все рыбаки так делают. Это... это такая штука, экологическая.

— Экологическая, — повторила я ровным голосом.

— Именно! Смотри, какая фишка. Рыбу же когда везёшь,

она пахнет, да? И обычно кладёшь в пакет. А пакет — это пластик. Пластик в природу попадает, разлагается сто лет, рыбы потом страдают, птицы всякие... Ну, ты в новостях видела, наверное.

— Видела, — сказала я. — Про пластик. И про птиц.

— Ну вот! А резина — она натуральная. Латекс — это же из дерева, из этой... как её... гевеи! Дерево такое в Бразилии. Экологически чистый материал. Полностью разлагается.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри меня происходит что-то странное. Не гнев. Не боль. Что-то похожее на восхищение — отстранённое, холодное, как восхищение зрителя перед особенно наглым цирковым номером.

Он сидел передо мной, мой муж, и объяснял, что латексный презерватив — это экологическая тара для рыбы. С такой искренностью, с таким энтузиазмом, как будто сам верил в то, что говорит.

Может, и верил. Может, это было частью его таланта: верить в собственную ложь в момент произнесения. Как актёр верит в персонажа на сцене.

— Подожди, — сказала я, тщательно контролируя интонацию. — Ты кладёшь рыбу... в презерватив?

— Не в него! — Володя замахал руками. — В контейнер! А резинку — сверху, как крышку. Чтобы запах не выходил. Знаешь, как работает? Ну, она же эластичная, натягивается на край контейнера, и всё — герметично. И природе не вредит.

— Гениально, — сказала я.

— Вот именно! Серёга с работы подсказал. Говорит, все продвинутые рыбаки теперь так делают. Экотренд, знаешь ли. Двадцать первый век.

— А в блистере от моих таблеток он зачем лежал?

Секундная заминка. Микроскопическая, но я её заметила.

— А это... это я просто, чтобы не потерять. Упаковка же удобная — плоская, в карман влезает. А эти, которые в коробках продаются, — они громоздкие. Таскать неудобно.

— Логично, — кивнула я.

— Ну! — он снова заулыбался, схватил ложку и вернулся к борщу с удвоенным энтузиазмом. — Я же говорю, Лен, — экология. Сейчас все об этом думают. Планета одна, беречь надо.

— Надо, — согласилась я.

Он доел борщ, попросил добавки, рассказал про погоду на завтра («идеально для клёва, Михалыч с метеостанции обещал солнце»), про новую блесну, которую заказал в интернете («японская, между прочим, ручная работа»), про то, что в этот раз точно привезёт судака, а не окуня.

Я кивала. Улыбалась. Под поверхностью шла другая работа: фиксировала, сортировала, запоминала.

После ужина Володя ушёл в комнату — смотреть футбол. Мне нужно было записать.

Я закрыла дверь в бывшую детскую — ту самую, с гладильной доской и стеллажом. Включила свет. Села за ста-

рый письменный стол. Отодвинула папки, достала из сумки блокнот.

Открыла на чистой странице. Написала:

«Дата: пятница. Время: 18:45–19:10. Место: кухня. Вопрос: происхождение презерватива (латекс), обнаруженного в блистере от антигистаминного препарата «Цетиризин» в куртке объекта. Ответ объекта (дословно): «Это для рыбы. Экология. Кладу на контейнер как крышку, чтобы запах не выходил. Резина — натуральная, из гевеи, разлагается. Все продвинутые рыбаки так делают. Серёга с работы подсказал. Экотренд». Дополнение: на вопрос о хранении в блистере — «чтобы не потерять, упаковка удобная». Эмоциональное состояние объекта: первичное замешательство (3–4 секунды), затем воодушевление, активная жестикуляция, повышенный энтузиазм. Классические признаки импровизированной лжи».

Я перечитала написанное. Потом добавила внизу:

«Версия №1: ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ. Контрвопросы для проверки:

Продаются ли специальные контейнеры для рыбы, предусматривающие использование презервативов в качестве крышки?

Существует ли «экотренд» среди рыболовов по использованию латексных изделий для хранения улова?

Серёга с работы — реальный источник информации или вымышленный персонаж? Предварительный вывод: версия

абсурдна и не выдерживает логической проверки».

Я закрыла блокнот. Положила ручку.

За стеной орал телевизор — видимо, кто-то забил гол. Обычный пятничный вечер. Муж смотрит футбол. Жена сидит в кабинете с документами.

Только документы были не совсем обычные.

Я откинулась на стуле и посмотрела в потолок. Лампочка здесь была тусклая — шестьдесят ватт, мы так и не поменяли на светодиодную, хотя собирались уже года три. В полутьме комната выглядела ещё более нежилой: гладильная доска в углу, стеллаж с коробками, пустой подоконник. Когда-то здесь должна была стоять детская кроватка. Потом — письменный стол со школьными учебниками.

Не стоит ничего.

Я потрясла головой, отгоняя мысль. Сейчас не время. Сейчас — работа.

Открыла блокнот снова. Перелистнула на страницу с задачами. Нашла «Задача 2: допросить объект о презервативе». Поставила галочку.

Рядом написала: «Версия получена. Бредовая. Объект не ждёт аудита. Чувствует себя в безопасности».

Закрыла блокнот. Убрала в сумку.

Из комнаты донёсся финальный свисток и разочарованный вой: «Ну как так! Пенальти же был чистый!»

— Лен! — крикнул Володя. — Чай будешь?

— Буду! — крикнула я в ответ.

И пошла на кухню к мужу-экологу. Защитнику планеты.
Рыцарю гевеи.

Завтра он уедет спасать озёра латексом. А я пойду в гараж
— смотреть на спиннинги, которыми он никогда не пользуется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.